

ЭТЮД О БУДУЩЕМ

Читая о европоцентризме и о романтиках-ориенталистах, я вдруг представил утопию Земли будущего. Она будет построена за счет ресурсов всех культур, исходя из ее новой цели. Новая цель человечества – переход в обитаемый космос.

Ход мыслей был такой: как бы ни были патриархальны все Востоки, они вынуждено модернизируются. При этом они вводят в свой социум надстройку из теномира, просто вынуждены, как в свое время Петр Первый у нас. Те же арабы и китайцы поступают идентично. Существование разных миров происходит рядом в пространстве, но оно разделено аксиологически, как у Булгакова в “Мастере и Маргарите”. Все рядом, но непроницаемо.

Например, вчера показывали передачу, где на Востоке и в Африке предпочитают старые американские, а в бывших фр. колониях – французские автомобили прошлых лет. Для Запада это – хлам, отходы прошлого, поскольку это обычная массовая продукция со свалки, не какой-то там эксклюзив. Микромастерские этих незападных стран даже свои запчасти производят, поддерживая это старье на плаву бесконечно долго. Но их восприятие автомобиля уже в принципе иное – не важно, что он помятый или облупленный – он ездит, он надежен, он может пройти по бездорожью и т.д. Оно не западное, в нем никакого фетишизма, лака, полировки, погони за модой. Другой контекст цивилизации: нет соответствующих стандарту дорог, обслуживания и т.д. Но не это важно, важно, что автомобиль в другой ситуации лишается всего комплекса “культурного сопровождения”, мифа, в котором он был создан, чужие смыслы отлетают как шелуха, хотя они воплощены в некогда престижной форме. Остается вроде бы голая техническая конструкция, измеряемая на прочность и качество совсем по другим критериям. Но она не может просто так жить в чужой культуре, она должна вписаться к нее. И рождается свой местный миф про прошлое, которое на Западе было лучшим в 1950-60-е годы. Миф везде разный: про

особые достоинства заводов Америки, Англии или Франции тех лет рассуждают те, кто был колонией или зависел от соответствующей страны, и есть тонкие знатоки и тонкие различия в марках “Ситроена” полувековой давности. При этом возникает парадокс: новые западные автомобили в этой массе ценятся гораздо меньше, чем старые. Кроме элитарной части городского населения, живущей по западным меркам, новые машины оказываются никому не нужны – слишком декоративны, ненадежны на проверку (хотя это может быть и не так) и т.д. Никакого технического прогресса в чистом виде здесь нет. Но есть то отношение к технике, которое мы и подчеркиваем – она как явление живет сама по себе и может “распредмечиваться” и снова “опредмечиваться” в разных культурных контекстах.

Я параллельно вспомнил о фантастическом романе, где мир вообще имел варианты развития во времени и опасные в будущем цивилизации “стирались” из настоящего и прошлого специальной службой, живущей “вне времени”. Но в середине, в трубе, вне этого текущего процесса, оставались совершенные и красивые технические изделия, порожденные уже не существующими, т.е. виртуальными цивилизациями. Есть вещи миров, которых нет и даже не было. А какая разница? Похоже, поскольку для бывших колоний Америка 1950-х – виртуальный миф, его уже нет во времени, а его вещи все еще здесь. А Америка нынешняя может восприниматься как угодно, она вне этого культурного мифа.

Теперь об утопии. Она строится на идее – у каждой культурной линии есть что вложить в копилку нового человечества.

Ведь если научно-технический мир воспринимать как часть, а не как доминанту всего (Запад сегодня), то нужно признать его нужность и место в культуре человечества. И сказать – он нужен всем, но не он должен нами править. Определим ему место. Это сложно, поскольку нужно при этом оторвать его суть от *сросшихся с ним* прочих элементов западной

цивилизации: индивидуалистической этики = писаного права, массового искусства, короткопериодной политики и т.д. Кстати, именно так и происходят все “двухэтажные” модернизации – учат на Западе своих ученых, техников, управленцев, а потом возвращают их домой в другую культурную среду. Так и мы в советское время, но у нас уже был свой послепетровский базис культуры, и еще какой. А вот китайцы учились в наших вузах в 1950-е с нуля.

Легче всего и проще всего переносить техномир. Между тем существует иллюзия, что его двигателем выступает только Запад, мир техноса неотделим от этой культуры, продуцируется ею, в ее глубине содержатся нужные стимулы без которых технос останавливается.

Когда по письму П. Капицы Сталин после 1946 года взял курс на русскую науку и технику, мы построили ядерную промышленность и первыми вышли в космос, а наше оружие того времени до сих пор производится и копируется. Конечно, фоном была “холодная война” , но стимул шел не со стороны Запада, а изнутри России. Не важно, что ими двигало, важно, что миф о единственности Запада *как движителя техники* был поколеблен. Но если это так, то стимулом для развития техники может быть и совсем другое, не обязательно жадность или агрессия с экспансией.

Но ведь есть еще и отдельный от науки мир поисков истины. Он далеко не полностью покрывается наукой и рациональным познанием. Проявление ноосферы. Сеть мирового познания – я ярко представил себе ее: Земля в мерцающей авоське ноо-сети.

Есть мир этического. Мы на пороге перехода в новый уровень – космос за пределами Земли. Чтобы там быть, человечеству придется принять два новых этических постулата (внутренний и внешний):

1. Земля есть место появления и жизни всех людей, человечества как целого. Она неделима, поскольку она такова и в основании (экологически) и в разуме (ноосфера).

2. Человечество вступило в обитаемый Космос. Отныне оно должно принять его космический закон – мы часть нового, большего чем мы.

(Например, не навреди, а это значит – никакой агрессии, экспансии в космосе и т.д. Все, что надо нам, младенцам космоса, дадут более взрослые – и язык = коммуникацию = связь, и доступ к энергиям, и часть пространства для развития и т.д.).

Часть вписывается в целое, или не вписывается, тогда она не часть и никому уже не нужна. Ее стирают из бытия ввиду паразитической ненужности, как болезнь или неудачную пробу пера.

Внутрисистемное противоречие уже существующее сегодня – и низ и верх земного мира неделимы, середина пока дифференцирована. Роль России – найти то зерно, из которого это добровольное целое должно вырасти.

Этика – не идеология, она не рациональна. Право ее не заменит, а напротив: современное международное право есть право более технически развитых диктовать свою волю всем прочим. Это естественный пережиток не технического мира, а первичного бандитского основания капиталистической экономики.

Институт мировой, планетарной этики не может базироваться в чистом виде ни на одной из существующих этик обществ, культур и т.д. Это *идея форума этик*, но не вообще (так она служит ширмой западной этики с правом сильного), а *ради создания новой, единой, универсальной, всечеловеческой*. Новая этика может только брать из существующих какие-то опоры, основы, части и т.д. Но ее надо создавать. Это пробовали делать русские писатели-философы XIX века – и Толстой, и Достоевский, и Соловьев. И все космисты. Циолковский бредил новой этикой, и это не просто так. Или второй вариант – слушать голос Бога: имеющий уши да услышит. Я не сомневаюсь, что с нами говорят те, в чье сообщество мы готовимся вступить.

Человечество отныне нужно писать с большой буквы. Оно рождается, но может и не родиться, если не поймет и не примет этого Нового Кодекса Космоса.

Хочется думать, что у России роль повивальной бабки Человечества, тем более трудная, что она живет внутри рождающегося. Но речь идет о *духовном рождении*, поэтому выйти за пределы сегодняшней ситуации и реальности вообще мы можем. Вопрос – как?

Рациональная рефлексия хороша для технологий деятельности, но здесь она бессильна. Про этическую рефлексия в чистом виде мне ничего не известно, или я ее иначе называю, зная о ней. Остается эстетическая, и недаром на этом пласте (калокагатия) были сосредоточены все усилия философов между XIX и XX веками. Чувственная, мистическая и т.д. интуиция.

Институт эстетического – здесь мы очень талантливы. Мы и в науке талантливы, но “ленивого ума”. Речь, вообще-то, не об уме, о а приспособлении к практике – мы ленимся понятие приладить под седалище.